

РЕФОРМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

«Наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать силу в русских национальных началах».

П. А. Столыпин

Виктор **РАЗГОН**,
доктор исторических наук
Ксения **ПОЖАРСКАЯ**,
кандидат исторических наук

«САМОХОДЫ» ПРОТИВ ЧАЛДОНОВ

*Адаптация
столыпинских
переселенцев на Алтае*

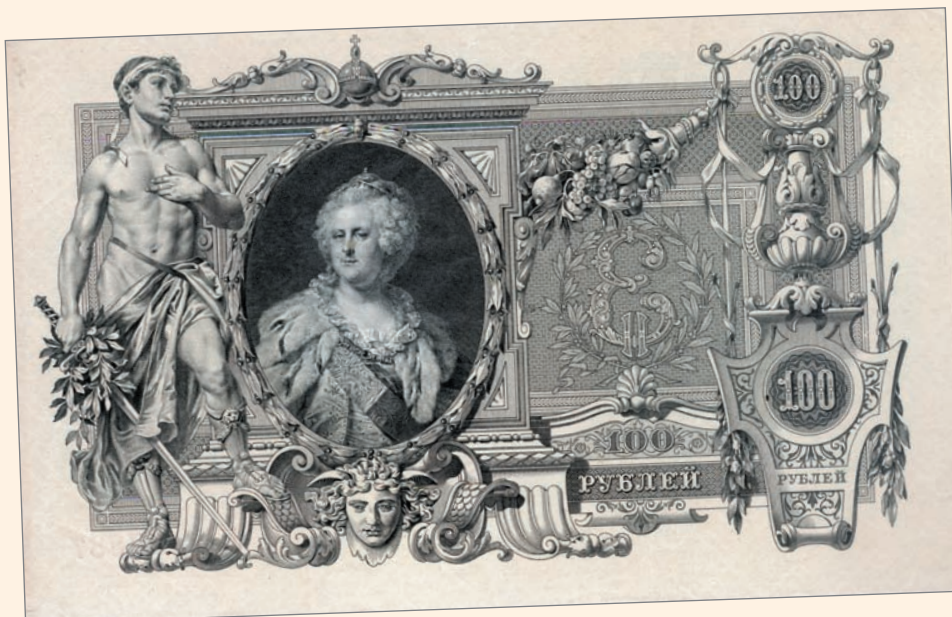
С 1907 по 1916 год в Алтайском округе¹, который издавна привлекал крестьян, переселявшихся в Сибирь из европейской части страны, наличием больших массивов подходящих для земледелия земель, водворилось 745 тысяч человек, или около трети от общего числа мигрантов, прибывших в Сибирь и на Дальний Восток (без учёта вернувшихся обратно). В течение 10 лет реализации столыпинской переселенческой политики в округ переселилось больше крестьян, чем за 40 лет предыдущего заселения: со времени открытия в 1865-м территории округа, являвшегося царской вотчиной, для крестьянских переселений и по 1905 год здесь водворилось около 670 тысяч человек. В беспрецедентном по массовости миграционном движении на Алтай, происходившем в период столыпинских реформ, участвовали выходцы из 65 губерний страны, представлявшие полтора десятка различных этносов. Под переселенческие участки в Алтайском округе, в соответствии с царским указом от 19 сентября 1906 года о передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия, было отведено почти 3,5 млн десятин земли. На этих землях было размещено около двух третей всех переселенцев и ещё треть мигрантов приселилась к старожильческим обществам по приёмным приговорам или на положении непричисленных (самовольных) переселенцев.

Поощряя массовые переселения крестьян в азиатскую часть страны, правительство Столыпина существенно расширило меры государственной помощи переселенцам, включавшие частичное дотирование про-

И. С. Куликов. Девушка с туесом. 1912 г.

«Катенька». 100-рублёвая купюра времён Николая II.

езда по железной дороге, ссуды на хозяйственное обустройство и на общекультурные нужды (строительство школ, церквей, дорог, колодцев), налоговые льготы и отсрочку от призыва в армию.

Основным видом помощи переселенцам были «домообзаводственные» ссуды, выдаваемые на хозяйственное и бытовое устройство. Средний размер этих ссуд в Томской губернии, в которую входила территория Алтайского округа, в период наиболее массовых переселений (1907–1909) в среднем не превышал 50–60 рублей на семью. Кроме того, с собой переселенческая семья привозила в среднем около 100 рублей, вырученных от продажи земли и имущества на родине. Между тем для полноценного хозяйственного устройства, по экспертным оценкам, переселенцам требовалось от 250 до 500 рублей на семью в зависимости от местности водворения². Поэтому очевидно, что основную часть средств, необходимых для хозяйственного и бытового устройства, переселенцы зарабатывали собственным трудом уже на новом месте.

Анализ демографических и хозяйственных показателей переселенческих хозяйств, отражённых в базе данных крестьянских хозяйств Алтайского округа, составленной нами на основе подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года³, позволяет сделать вывод о том, что переселенцы придерживались определённой стратегии адаптации, которая должна была обеспечить успешность вживания в новую среду обитания.

Демографический аспект этой стратегии выражался в том, что в переселенческом движении преимущественно участвовали многодетные семьи, возглавляемые находящимися в наиболее деятельном возрасте домохозяевами, имевшие в своём составе молодых работников или рассчитывавшие на появление таковых в неотдалённой демографической перспективе. Семьи мигрантов в целом были более многочисленными, чем семьи старожилов: средняя людность переселенческой семьи составляла 6,3, а старожильской — 5,9 человека. 55,3 процента глав крестьянских семей, осевших на Алтае в годы столыпинской аграрной реформы, к 1917 году находились в наиболее трудоспособном возрасте — от 30 до 50 лет, а у переселенцев достолыпинского периода и старожилов этот показатель был более низким: 48,6 процента и 53 процента. Соответственно, среди столыпинских переселенцев меньшей была доля домохозяев в возрасте старше 60 лет — 13,3 процента, тогда как у более ранних переселенцев она достигала 20,8 процента, а у старожилов — 15 процентов.

Как показывают материалы переписи 1917-го, характерное в целом для состава мигрантских семей преобладание мужского населения над женским было более выраженным у столыпинских переселенцев (51,7% и 48,3%), нежели у мигрантов раннего периода

(50,9% и 49,1%), а у старожилов это соотношение было практически равным. Преобладание мужского населения в семьях мигрантов становится ещё более заметным, если из числа учтённых переписью 1917 года членов семей столыпинских переселенцев исключить тех, кто родился уже в Сибири: 52,7 процента против 47,3 процента. Мужская сила в переселенческих хозяйствах была востребована для подъёма целинных земель, к тому же, согласно действующему законодательству земельные наделы отводились крестьянским семьям по числу душ мужского пола.

Обратимся к группировке крестьянских семей по структуре родственных связей на основе типологии, предложенной В. А. Зверевым⁴, осуществлённой на основе анализа информации, содержащейся в части исследуемой выборки хозяйств, охватывающей 26 волостей западной части Алтайского округа, составлявших один из основных районов расселения столыпинских мигрантов на Алтае (Кулундинская и Барабинская степи). Она показывает, что хотя во всех поселенческих группах крестьян простая семья, состоявшая из супружеской пары с детьми, в 1917 году была преобладающим типом семейной организации, у столыпинских переселенцев её удельный вес был более высоким, чем у старожилов и переселенцев более раннего времени: 66,4 процента против 57,2 и 55 процентов. И, соответственно, доля сложносоставных семей (расширенных, сложных отцовских, сложных братских, линейных), состоявших из двух и более супружеских пар, у старожилов и более ранних переселенцев была выше, чем у мигрантов столыпинского периода. Более выраженное преобладание у столыпинских мигрантов простых по структуре семей подтверждается и тем, что доля одно-двухпоколенных семей у них была большей, чем у старожилов и переселенцев второй половины XIX века: 74,7 процента против соответственно 68,5 и 67,1 процента. Следовательно, в миграционном процессе участвовали хотя и многолюдные семьи, но с упрощённой структурой, стремившиеся облегчить своё обустройство в Сибири тем, что оставляли на попечение родственников на прежнем месте жительства стариков и инвалидов, выдавали замуж девушек, достигших брачного возраста.

Молодой и «многоработный» состав домохозяйств с преобладанием лиц мужского пола позволял переселенцам более эффективно использовать преимущества от семейной кооперации труда, преодолевать трудности, связанные с освоением целинных земель, возведением жилья и хозяйственных построек, а доминирование простых по структуре семей придавало хозяйствам мигрантов большую экономическую гибкость.

Механизм хозяйственной адаптации переселенцев включал более интенсивное по сравнению со старожилами использование

наделных и арендованных пахотных земель, выражавшееся в расширении посевных площадей за счёт сокращения залежи и пара. Столыпинские переселенцы засевали в 1917 году 53 процента собственной и арендованной пахотной земли (проживавшие на новых местах менее трёх лет — до двух третей всей пашни), старожилы — лишь 45 процентов, а остальное оставляли под залежь и пар. В связи с этим в структуре расходов переселенцев, направляемых на техническое вооружение земледельческого производства, приоритетное значение имели затраты на техническую оснащённость пахотных работ. Об этом свидетельствует практически полное отсутствие в используемом переселенцами пропашном инвентаре самых примитивных орудий вспашки — сох (их доля в пропашном инвентаре в 1917-м в хозяйствах столыпинских переселенцев составляла лишь 1,3%, а в хозяйствах старожилов — 13,7%), а также широкое использование наиболее производительных орудий вспашки — буккеров. У переселенцев столыпинского периода их имели 7,4 процента посевных хозяйств, у старожилов — лишь 0,8 процента. При этом перепись зафиксировала более низкую обеспеченность переселенческих хозяйств другими видами сложного сельхозинвентаря, используемого на стадии уборки урожая, — молотилками, жатками, веялками.

Введение в хозяйственный оборот максимально возможного количества пахотных земель достигалось за счёт предельной мобилизации семейных трудовых ресурсов и интенсификации труда. Это проявлялось и в более широком использовании в переселенческих семьях женского труда в пахотных работах: в 1917 году в хозяйствах столыпинских переселенцев в них принимали участие 40 процентов всех женщин трудоспособного возраста, а у старожилов — лишь 24 процента. При этом в хозяйствах мигрантов с посевом до 4 десятин к пахотным работам привлекались 35,3 процента взрослых трудоспособных женщин, с посевом от 4 до 12 десятин — 42,9 процента, а с посевом свыше 12 десятин — 50,1 процента.

Модель экономического поведения переселенцев, ориентированная на интенсивное использование плодородия целинных земель, в сибирской прессе описывалась как хищническое использование земли, приводящее к истощению почв⁵. Однако такое хозяйственное поведение во многом определялось не субъективным «хищничеством» переселенцев, а объективными условиями адаптации, когда в условиях недостатка материальной помощи со стороны переселенческого ведомства мигранты должны были собственными силами зарабатывать средства для скорейшего бытового и хозяйственного устройства на новом месте. Важным источником заработка для многих переселенцев был и наём на работу в старожильские или более зажиточные пере-

К. Е. Маковский. Жница. 1871 г.

земли и повышать плату за приём переселенцев в свои общества. Уплотнение населения приводило к ломке привычного жизненного уклада сибирских крестьян, хозяйствовавших согласно изречению: «Селись, где хочешь, живи, где знаешь, паши, где лучше, паси, где любче, коси, где густо, лесуй, где пушно»⁹. С приёмом в общество новых членов правописание старожилов («веровать складами», «старозаимочность»¹⁰) столкнулось с привычками выходцев из центральной части страны, «воспитанных» на порядках передельного землепользования, что порождало множество споров по вопросам землепользования.

Напряжённость в отношениях переселенцев и алтайских старожилов обуславливалась и их культурным своеобразием. Публицисты конца XIX — начала XX века активно тиражировали сюжет о разности «характеров» (психотипов) сибиряков и великороссов¹¹. Современные исследователи также отмечают различия в их ментальных установках. Отсутствие помещичьего землевладения, земельный простор, затруднённый административный контроль в связи с удалённостью и разбросанностью крестьянских поселений формировали такие специфические черты психологического склада, как рационализм, индивидуализм, прагматизм, чувство собственного достоинства¹². Безусловно, что «индивидуализированной личностью сибиряка-собственника», ориентированного на жизнь в достатке, переселенец с его «жадностью к земле» воспринимался как конкурент, вторгавшийся в сферу его жизненных интересов, нарушивший привычный хозяйственный уклад. Эта разность приводила к взаимной отчуждённости, а нередко и к враждебности во взаимоотношениях. В старожильской среде переселенцев презрительно называли «самоходами», «№ 6» (номер списка регистрации безземельных крестьян), «вшивой рассеей»¹³. Южнорусских переселенцев, выделявшихся особыми чертами культуры, в частности, ношением лаптей и понёв, старожилы называли «лапотонами»¹⁴. В свою очередь мигранты считали сибиряков «необразованными», называли их «чалдонами» (одно из распространенных значений — «бродяга, каторжник, беглый»), следуя общепринятому представлению, что все сибиряки и есть бывшие каторжники.

Жизнь «на чужбине», стрессовые условия первых лет на новом месте побуждали переселенцев сохранять прежнюю территориально-областническую общность. Своеобразным механизмом защиты от «чужих» выступало сохранение традиционных признаков собственной культуры в соответствии с ресурсами нового региона проживания. Мигранты сохраняли свои диалекты и говоры, привычную планировку жилищ и их внутреннюю отделку, готовили свои национальные блюда с исполь-

селенческие хозяйства: дворы столыпинских переселенцев (23% от всех хозяйств) поставляли на региональный рынок наёмной рабочей силы 35 процентов всех учтённых переписью сельскохозяйственных рабочих.

Процесс социокультурной адаптации переселенцев осложнялся неразвитостью соответствующей инфраструктуры в районах массового водворения, обусловленной недостаточным финансированием переселенческой политики. И хотя после поездки в 1910 году Столыпина и А. В. Кривошеина в Сибирь расходы на создание социальной инфраструктуры в переселенческих районах существенно возросли, тем не менее в условиях, когда приоритетной задачей правительства было финансирование форсированной индустриальной модернизации страны, средств на эти цели выделялось недостаточно. Поэтому мигранты жаловались на нехватку церквей; местной администрацией отмечались массовые переходы переселенцев в сектантство⁶. Из-за нехватки школьных учреждений для первого поколения детей столыпинских переселенцев сократились возможности получения начального образования не только в сравнении с теми, которые имелись в Европейской России, но и по сравнению со

старожилами Сибири: по данным переписи 1917-го, лишь 15 процентов детей школьного возраста, имевшихся в семьях столыпинских переселенцев Алтайского округа, обучались в школах, тогда как в семьях старожилов — 20 процентов, а в Европейской России — свыше 40 процентов.

Результативность адаптации зависела не только от правительственной поддержки, но и от взаимоотношений новоприбывших с «коренными» жителями. Массовые миграции начала XX столетия породили ситуацию «фронттира» между старожилами и переселенцами⁷. Складывались замкнутые, часто обособленные группы компактного проживания выходцев из внутренних губерний империи — так называемые «концы» или «края» в границах селений, в том числе старожильческих: например, в селе Усть-Калманка выделялись Кержацкая улица и Курский край, в селе Тальменка — Сибирский край и Рязань, в селе Златополь — Таврия и Москалёвка⁸.

Первоначально крестьяне-старожилы были заинтересованы в причислении новосёлов к своим сельским обществам, поскольку для них создавался рынок дешёвой рабочей силы. По мере возрастания масштабов переселения старожилы стали осознавать ценность

зованием местных продуктов. Взаимодействие переселенцев со старожилами в быту сводилось к минимуму. Представители двух «миров» редко вступали в брак, предпочитая подбирать невест по принципу землячества, обособленно отмечали праздники, контактировали в рамках «своих» групп независимо от возрастной или половой принадлежности¹⁵. Социокультурная отчуждённость была характерной чертой взаимоотношений и между различными национальными и региональными группами переселенцев, оседавших на Алтае. Не случайно Столыпин и Кривошеин в записке, написанной по итогам своей поездки в Сибирь, высказали идею о необходимости объединения проживающего здесь населения общими интересами, дабы оно перестало быть «механической смесью чуждых друг другу выходцев из Перми, Полтавы, Могилёва»¹⁶.

Впрочем, медленное сближение переселенцев и старожилов не препятствовало взаимовыгодному обмену хозяйственным опытом. Мигранты перенимали у старожилов земледельческие приёмы, сообразные сибирскому климату: переходили к преимущественному возделыванию пшеницы вместо ржи, ориентировались на народные сибирские земледельческие приметы, в ряде мест использовали местные пропашные и уборочные орудия труда. Переселенцы в свою очередь демонстрировали старожилам способы интенсификации крестьянского тру-

да. Газета «Жизнь Алтая» отмечала, что «как ни консервативен старожил-сибиряк, как ни крепка его вера в авторитет «дедов», — всё же смотришь, весной и он ходит за плугом новой конструкции, или осенью молотит хлеб не традиционным цепом, а эльвортовской молотилкой»¹⁷. Мигранты привезли в регион новые породы скота, твёрдые сорта пшеницы (белотурка, кубанка, черноколоска, синеуска), новые сорта ржи и овса, способствовали выращиванию гречихи и проса¹⁸. Переселенцы с Украины акклиматизировали привычные им огородные и садовые культуры — бахчевые, картофель, цветную капусту, бобовые.

Хозяйственное освоение Алтайского округа переселенцами из европейской части России охватило в начале XX века и районы, ранее слабо затронутые земледельческой колонизацией — места проживания кочевых автохтонных народов. В частности, под крестьянское заселение в столыпинский период были переданы Кулундинская и Бельагачские степи, служившие ранее местом казахских кочевий. В результате землеустройства инородческого населения Горного Алтая почти две трети земель этого региона были переданы Кабинету и Переселенческому управлению. Изъятие у аборигенных народов значительной части находившихся в их пользовании земель привело к эскалации напряжённости в

округе. И хотя масштабных межнациональных конфликтов на территории округа не было зафиксировано, в документах и прессе того времени отмечались случаи столкновений между переселенцами и коренным населением в связи с земельными спорами и на бытовой почве. Так, при образовании в 1907 году участка Аймагуль в Кулундинской степи, предназначенного для устройства самовольно осевших переселенцев, произошло кровавое столкновение последних с казахами¹⁹. Селившиеся в этой части округа крестьяне часто обвиняли казахов в кражах скота. Массовым явлением стали случаи земельных конфликтов на Горном Алтае, порождаемые самовольными захватами земли новосёлами. В связи с этим в 1908 году от местного коренного населения в Петербург была направлена депутация с ходатайством об охране кочевий от захватов русскими переселенцами²⁰.

Однако, как и в отношениях со старожилами, конфликты по земельным вопросам и обособленность в быту не являлись непреодолимым препятствием для хозяйственного сотрудничества, в особенности с той частью автохтонов, которая переходила на оседлый образ жизни и приобщалась к земледелию. Например, способ сохранения воды в «карлыках» (специальных сооружениях для хранения снега) переселенцам привило коренное население степей; в свою очередь, казахи перенимали у немецких крестьян-

А. И. Корзухин. Петрушка идёт! 1888 г.

переселенцев приёмы обмолота хлеба, позволявшие существенно экономить время («выиграть целую осень»)²¹.

Процесс социальной и хозяйственной адаптации столыпинских переселенцев к 1917 году был еще далёк от завершения. Статистические обследования фиксировали значительное отставание переселенческих от старожильческих хозяйств по многим экономическим показателям (так, стоимость хозяйственных и жилых построек в старожильческих домохозяйствах в среднем в три раза превосходила соответствующий показатель в хозяйствах переселенцев²²). Незавершённость адаптации делала положение переселенческих хозяйств, функционировавших по харак-

терным для традиционного общества законам «моральной экономики», особенно уязвимым в случаях резкого повышения налогообложения. Поэтому не случайно районы проживания столыпинских переселенцев, находившиеся в степной зоне Алтая, являлись главными очагами партизанского движения и крестьянских восстаний в годы Гражданской войны.

В целом крестьянские миграции столыпинского периода стали важнейшим этапом в истории заселения и хозяйственного освоения Алтая, способствовали более широкому вовлечению региона в общероссийские экономические и социокультурные процессы.

С. В. Иванов. В дороге. Смерть переселенца. 1889 г.

Столыпинскими переселенцами в Алтайском округе было основано более 3000 населённых пунктов, включая хуторские поселения, введено в сельскохозяйственный оборот более 4 млн десятин земли. В это время окончательно сформировался статус Алтая как одного из важнейших аграрных регионов страны. Всё это было достигнуто поистине героическим и самоотверженным трудом крестьян-переселенцев, сотни тысяч потомков которых и сегодня живут на алтайской земле.

В 2012 году в Алтайском крае будет установлен памятник, увековечивающий жизненный подвиг российских крестьян, связанных с освоением сибирских окраин.

г. Барнаул

Примечания

1. В административном отношении Алтайский округ, земли которого управлялись царским Кабинетом, входил в состав Томской губ. Округ включал территории современного Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской обл., Республики Алтай, части Томской обл. и Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан.
2. Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для членов Государственной думы. СПб. 1907. С. 74.
3. Разгон В. Н., Колдаков Д. В., Пожарская К. А. База данных «Крестьянские хозяйства Алтайского округа в 1917 г.». Свидетельство о государственной регистрации № 2009620046. Зарегистрировано в Реестре баз данных 16. 01. 2009. База данных включает сведения о более чем 13 тысячах крестьянских хозяйств, принадлежащих к разным поселенческим группам — старожилам, переселенцам второй половины XIX века и мигрантам столыпинского периода, отобранных на основе случайной 5-процентной выборки из 260 000 хозяйств, переписные подворные анкеты которых сохранились в фонде Алтайской губернской земской управы Государственного архива Алтайского края.
4. Зверев В. А. Семейное крестьянское

- домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: Историко-демографический анализ. Новосибирск. 1991. С. 40.
5. Алтайский крестьянин. 1914. 1 января.
6. Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул. 2010. С. 151.
7. Теория фронта применительно к истории Сибири получила разработку в трудах Д. Я. Резуна, М. В. Шиловского и других авторов. См.: Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь конца XVI — начала XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск. 2005; Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск. 2002.
8. Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии. Этнос. Этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск. 2005. С. 111; Кулундинский район: страницы истории и современность. Т. 2. Барнаул. 2007. С. 9.
9. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М. 1908. С. 44.
10. «Склад» — отвороченный сохой пласт земли, «веровать складами» — признавать право пользования на опашанный сохой участок, даже если он не распахан под пашню; «староземичность» — право

- каждого домохозяина оставаться на своём старом месте, «становье». См.: Азиатская Россия. Т. 1. СПб. 1914. С. 557, 559.
11. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб. 1892. С. 87–145; Головачёв П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М. 1902. С. 145–146; Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. 1905. С. 328–329.
12. Андусев Б. Е. Субэтнос сибирских старожилов и особенности субэтнического характера (к постановке проблемы) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул. 2001. С. 22; Шиловский М. В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск. 2004. С. 67.
13. Сушинский П. П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новосёлков на Алтае (исследование на месте). СПб. 1898. С. 32; Жизнь Алтая. 1912. 8 сентября. С. 3.
14. Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск. 1997. С. 18.
15. Она же. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Ч. 1. Обычаи

- и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск. 2002. С. 48–49.
16. Записка председателя Совета министров и главного управляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб. 1910. С. 124.
17. Жизнь Алтая. 1914. 13 ноября.
18. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб. 1907. Т. 16. С. 236; Ноздрин Г. А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни // Русский этнос Сибири в XX в. Новосибирск. 2004. С. 121; Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Ноздрин Г. А. Опыт народной агрономии в Сибири: вторая половина XIX — начало XX в. Новосибирск. 1993. С. 49.
19. Годовой отчёт по Томскому переселенческому району за 1907 г. СПб. 1908. С. 12.
20. Памятная книжка Томской губернии за 1912 г. Томск. 1912. С. 96.
21. Итоги статистического обследования Бельгагачской степи Змеиногорского уезда Томской губернии в 1908 г. чинами Алтайского переселенческого отряда. Барнаул. 1909. С. 16, 20.
22. Томская губерния. Статистический очерк. Томск. 1917. С. 16–17.